

А к т е р со стороны

В Москве закончил гастроль Ленинградский государственный театр имени Ленинского комсомола. С теплой и добрым вниманием москвичи принимали ленинградцев. Все спектакли театра на Ленинграда проходили с аншлагом, каждый вечер у МХАТа спрашивали «лишний билетик».

Однако московские гастроль и 50-летний путь, пройденный театром, а в этом году он отмечает свой юбилей, дают основания и для серьезного разговора о его сегодняшних поисках, открытиях и поражениях.

В гастрольную афишу вошли пять спектаклей, разнообразных по тематике и жанрам: драматическая поэма «Все его жизнь» по мотивам киноповести Евгения Габриловича, судебная хроника «Процесс» Эдди Манна, публицистический спектакль-размышление «Роман и Юлька» по повести Галины Щербаковой, пьеса Чехова «Чайка» и рок-опера «Овод» по мотивам одноименного романа Войнич.

Театр открыл гастроль спектаклем «Все его жизнь» не случайно — таким образом диалог со зрителем сразу задавался серьезный и высокий тон. Спектакль был поставлен Г. Опорковым в 1980 году и специально восстановлен к московским гастролям. Фильм Ю. Райзмана и образ коммуниста, созданный в нем Е. Урбанским, обрел пикировку известности. А потому и отношение жюри театральной версии любимой картины было поначалу настороженным. Однако работа театра выдерживает сравнение с фильмом. Спектакль о трудном времени революции, сыгранный актерами на одном дыхании, прозвучав современно и завоевав зрителей поразительной простотой и искренностью. Большой удачей стала работа народного артиста РСФСР Р. Громадского, создавшего идеальный и одновременно очень живой, даже дикий образ коммуниста Василия Губанова.

Высоким, очищающим душу трагизмом наполнена чеховская «Чайка» — последний спектакль Г. Опоркова. Чувства, ощущения, мысли, которые он выражает, подчинены музыке невадской, колдовской пьесы Чехова.

Эти лучшие, на наш взгляд, спектакли из гастрольной афиши ленинградцев свидетельствуют о творческих воз-

можностях театра. Спектакль «Процесс», удостоенный диплома фестиваля спектаклей, посвященных 40-летию Победы, эти возможности подтверждает.

Театр имени Ленинского комсомола обращен к молодежи, поэтому закономерно появление в его репертуаре спектакли «Роман и Юлька» (постановка В. Годинова) — современной версии «Ромео и Джульетты». Еще раз поднимая вечную тему «отцов и детей», театр избрал форму диспута. В нем участвуют герои спектакля и настоящий ученый-социолог, комментирующий действие, и все, кто находится в зрительном зале. Это придает спектаклю острое публицистическое звучание. Решаясь на такой открытый разговор с юными об их проблемах, об ответственности самих подростков за свой выбор в жизни и судьбу, театр провел его честно, не замалчивая конфликты, не обходя острые углы. Однако сам театр нарушает иногда внутреннюю логику этого разговора. Так получается, что истины внушают нам не герои спектакля, а человек со стороны — ученый-социолог. Ход же самого спектакля, характеры героев этим истинам порой противоречат.

Нужно заметить, что театр любит открытое обращение к зрителю, активный диалог с ним и прибегает к этому приему практически в каждом своем спектакле. Не всегда такое обращение кажется оправданным. Иногда это выглядит просто как заигрывание со зрителем. Драматический театр обладает сильными средствами воздействия на аудиторию, в том числе молодежную, и ленинградцы этими средствами пользоваться умеют. Но иногда им изменяет вкус, и они теряют чувство меры. Чем иным можно объяснить использование в «Рабочем активе» куплетов из современных шлягеров, перемешанных с цитатами из «Великих» на тему о любви («Роман и Юлька»), дешевых эстрадно-концертных номеров-ставок («Процесс»), сомнительных реплик.

Такого рода приемы густо сконцентрированы в спектакле «Овод» (постановка Г. Егорова). Переизбыток их их арсенал составляет само содержание спектакля. Здесь есть все: и куплеты о «милых» в шпионах, распеваемые Риваресом, и модная ныне эксплуатация библейских

сюжетов, и пики, и хор монахов, и танцы в стиле мюзик-холла, и даже М. Боярский специально приглашенный и театра Ленсовета на исполнение главной роли. Театр, всеми возможными и невозможными средствами привлекает зрителя, а роман Войнич растворяется в шумном балагане. Горькую улыбку рождает «предсмертные страдания» с песнями на устах Ривареса — М. Боярского. А презренная света карбонариев достигает настоящего комического эффекта и выглядит насмешкой над чистыми образами романа.

Театр должен быть разным. Всякие жанры и стили имеют право на жизнь, если они — настоящие. Но в искусстве тоже есть понятие «сопротивление материала», и, очевидно, из высокой трагедии нельзя сделать хорошую оперетту, высокая трагедия этому не поддается. Зачем классическому роману Войнич нужно было придавать форму рок-музыки? Может быть, для того, чтобы разнообразить жанровую палитру репертуара? Спектакль на этот вопрос ответа так и не дал.

Спектакли очень разные не только по темам и жанрам, но и по художественному уровню привнеси ленинградцы в Москву. Именно это обстоятельство, как представляется, и не дает возможности увидеть целостный образ театра. Созданный для молодежи, театр пытается заглянуть с молодым зрителем живой диалог. И в этой своей попытке он ярко демонстрирует два пути. Один — путь серьезного, взрослого разговора, когда воспитательные задачи решаются главным образом художественными средствами. Это направление представляют спектакли внешне неброские, но чистые и тонкие, нравственно и эстетически воздействующие на молодую аудиторию. Другой путь заключается в стремлении донести до зрителя серьезные нравственные и социальные проблемы упрощенными средствами (пример тому «Овод»). Так, видимо, по замыслу создателей спектакля, «высокие идеи» будут доступнее и понятнее молодежи. Грустно, что здесь театр ориентируется на «свиный вкус», в угоду которому идет на подобные эксперименты.

Каким путем театр пойдет дальше?

И. МАМИЧЕВА.